

волей, он не может принадлежать кому-либо, следовательно, его нельзя «одолжить». Первое значение, которое воспринимает читатель это название материала *wood* – древесина, дерево, поэтому он предполагает, что это какое-то орудие. Только затем он понимает, что речь идёт о человеке с созвучной фамилией, тогда и реализуется комический эффект игры слов. Глагол *borrow* в данном контексте приобретает значение ‘ненадолго забрать с занятия’.

Таким образом, семантическая сочетаемость представляет собой одно из фундаментальных свойств языковых единиц – их способность вступать в смысловые отношения, сочетаться при образовании единиц более высокого уровня. Семантическая сочетаемость обусловлена правилами семантического согласования. В данном контексте игра слов является аномалией семантической сочетаемости, не просто ошибочным, а намеренным отступлением от нормы. Однако данное отступление, в отличие от случайной ошибки, направлено на то, чтобы пробудить у слушателя (читателя) интерес поддержать игру, попытаться вскрыть глубинное намерение автора, эту игру предложившего.

Литература

1. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак – М., 1998. – 763 с.
2. Гоголь, Н. В. Ревизор // Повести. Драматические произведения / Н. В. Гоголь – М.: Художественная литература, 1983.
3. Колесниченко, С. А. Условия реализации стилистического приёма игры слов в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Колесниченко – Л., 1984. – 20 с.
4. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002.

СВОЕОБРАЗИЕ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ДИСКУРСАХ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

А. Э. Пунинская

Могилёвский государственный университет

имени А. А. Кулешова (Могилёв)

Науч. рук. – Н. А. Михальчук, канд. филол. наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается речевая манипуляция в художественном тексте на материале произведений русских писателей XIX – XX вв. Описаны стратегии и тактики манипулятивно-речевого влияния, которые используют персонажи в русской художественной прозе. Выявлены наиболее частотные языковые средства реализации манипуляции в произведениях русской литературы.

Ключевые слова: речевая манипуляция; герой-манипулятор; манипулятивная стратегия; манипулятивная тактика; языковые средства.

Речевая коммуникация является одним из важных видов социальной деятельности человека. В последнее время немалый интерес лингвистов проявляется к такому специфическому виду воздействия, как речевая манипуляция. Под речевой манипуляцией мы понимаем «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путём искусного использования определённых ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [4].

Существенны для рассмотрения речевой манипуляции в художественном тексте стратегии и тактические приёмы, реализуемые персонажами по ходу диалога. В структуре художественного произведения речевая манипуляция требует особого рода коммуникативной ситуации. Так, определённые обстоятельства и причины побуждают языковую личность к выбору языковых средств для достижения коммуникативной цели. Яркие примеры использования речевой манипуляции находим в речи персонажей произведений «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Отчаяние» В. В. Набокова, «Мёртвые души» Н. В. Гоголя.

Герои-манипуляторы применяют разнообразные тактики и приёмы для достижения коммуникативной цели. Главный герой произведения «Золотой телёнок» О. Бендер использует следующие манипулятивные тактики: тактику получения информации от третьих лиц: «*Барин! ... Из Парижа!*», «*У нас хоть и не Париж, но милости просим к нашему шалашу*» [2, с. 25]; выбора коммуникативной или социальной роли, согласованной с моделью мира манипулируемого (играет роль «гроссмейстера» в среде шахматистов-любителей, «заговорщика» в общении с бывшими дворянами, «светского человека» при разговоре с Эллочкой Щукиной, в иных ситуациях – «авторитета», «лидера»); комплиментов (характеризует Воробьянинова как «*предводителя дворянства*», «*отца русской демократии*», «*особы, приближенной к императору*», ассоциирует себя с ним – «*мы с коллегой*»); организации неадекватного восприятия манипулируемым речевого события с использованием наиболее доступной для манипулируемого информации и с опорой на наиболее сильные гипотезы: «*Крестьяне приняли «Антилопу» за головную машину автопробега. Мы не отказываемся от этого звания, более того – мы будем обращаться ко всем учреждениям и лицам с просьбой оказать нам надлежащее содействие, напирая именно на то, что мы головная машина*» [2, с. 87].

Тактику жертвы применяет герой романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» Печорин, скрыто обвиняя княжну Мери в неучтивом отношении к себе: «– Я слышал, княжна, что, будучи вам вовсе незнаком, я имел

уже несчастье заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзким... неужели это правда? Если я имел дерзость вас чем-нибудь оскорбить, то позвольте мне иметь ещё большую дерзость просить у вас прощения...» [3, с. 187]. Используя тактики уговоров, комплиментов, лести, вызывает чувство жалости, стремится влюбить в себя адресата речи. В речи персонажа частотны вопросительные конструкции, повторы, используемые в манипулятивной функции. Например: *«Отчего же только мучишь меня?»*, *«Разве ты любишь какого-нибудь чеченца?»*, *«Или твоя вера запрещает полюбить меня?»*, *«Ты видишь, как я тебя люблю; я все готов отдать, чтоб тебя развеселить: я хочу, чтоб ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселей?»* [3, с. 56].

В романе В. В. Набокова «Отчаяние» показан зловещий и жестокий тип манипулятора в русской литературе. Герман претендует на то, чтобы называться художником, однако не способен выйти за пределы своего «я», услышать и понять другого человек. Персонаж использует следующие манипулятивные тактики: подстраивание под собеседника: *«Мне кажется, что вам следовало бы переменить атмосферу, освежиться, набраться новых впечатлений... Я считаю, что здешняя губит вас...»*; создание образа единомышленника: *«буду молиться за вас во всех флорентийских церквях»*; намёка: *«в лучах солнца, солнце – друг художников»*; создание образа несчастного человека: *«Если бы я съездил в Италию, то действительно написал бы роскошные вещи. Из выручки за них я бы сразу погасил свой долг»*; отступления: *«Ох, плохо я сегодня спал... Ох-о-хох. Ужасная вещь бессонница»*; тактику создания автобиографической легенды, обмана (факт гибели человека, названного Германом своим братом); речевой агрессии: *«осёл»*, *«балда»*, *«болван»*, *«дурак»*; согласия и комплиментов: *«Очень вёе это правильно. С тобой приятно говорить»*; *«Да, безукоризненно. Прямо удивляюсь»*; *«Ты, я вижу, философ»* [4, с. 51–52].

Персонаж произведения «Мёртвые души» Н. В. Гоголя Павел Чичиков, искусный манипулятор, применяет следующие манипулятивные тактики: расспросов, включая в речь уточняющие и косвенные вопросы: *«...Расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких повальных горячек, убийственных каких-либо лихорадок, оспы и тому подобного, и всё так обстоятельно и с такой точностью, которая показывала более, чем одно простое любопытство»* [1, с. 14]; самоуничижения: *«Чичиков отвечал скромно, что ни громкого имени не имеет, ни даже ранга заметного»*, *«Ничтожный человек, и больше ничего»* [1, с. 10]; лести: *«...Теперь, когда случай мне доставил счастье, можно сказать, образцовое, говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором...»* [1, с. 25]; тактику гиперболизированной любезности: *«Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня...»* [1]; тактику умолчания со включением в речь неопределённых оборотов, например: *«О себе приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то каким-то*

общими местами...» [1, с. 14]; тактику «игры в благодетеля», контраргументации.

Общение героев-манипуляторов характеризуется вариативностью. Манипулятор использует практически все возможные средства речевой выразительности, что характерно именно для художественного дискурса. Тропы и стилистические фигуры усиливают высказывания и эффект эмоционального и манипулятивного воздействия на адресата. Активно используются метафоры: «*крушение души*», «*изошрённый застенок памяти*», «*бездна страждущего духа*»; эпитеты: «*зверское сердце*», «*благородные чувства*», «*человек замечательного ума*»; антитеза: «*превосходно, даже гениально, но – простите за откровенность – как-то однообразно, вынужденно*» [5, с. 153]; лексические повторы, эмоционально-оценочные высказывания: «*Не затрудняйтесь, пожалуйста. Пожалуйста, проходите*»; «*очень, очень достойный человек*»; «*эти... которыми, эти... у которых*»; «*аффективы*»: «*участь, добро, совесть, грех, гибель, моральное право, человеческая трагедия, искупление*» [5, с. 171].

Манипулятивная интонация героев характеризуется разнообразными оттенками передаваемых эмоций и чувств, как правило, неискренних.

В высказываниях нередко встречаются определительные местоимения «*все*», «*всякий*», «*каждый*», «*любой*», служащие средством формирования общих суждений. Сравнительный оборот «*как и ты*» подчеркивает согласие с моделью мира манипулируемого. Наблюдается использование: просторечного и фамильярного стиля общения: «*Приезжие, матушка, пусть переночевать*», «*Недурно, матушка, хлебнём и фруктовой*», «*Нет, матушка, другого рода товарищ...*»; лексики разговорного стиля: «*чудак*», «*франт*», «*смекнуть*», «*толковый*». Синтаксические конструкции, как правило, отличаются эмоциональностью и экспрессивностью. Вводные выражения «*мне кажется*», «*я считаю*», «*может быть*» создают впечатление обоснованности, снимают категоричность.

Таким образом, герои-манипуляторы в произведениях русской литературы предстают как достаточно развитые языковые личности, владеющие обширным набором тактик манипулятивного речевого воздействия: расспросов, самоуничижения, лести, гиперболизированной любезности, умолчания, подстраивания под собеседника, тактикой «игры в благодетеля», намёка, речевой агрессии, обмана и создания автобиографической легенды, контраргументации, жертвы, уговоров, согласия, комплиментов, тактикой получения информации из рассказа третьих лиц, тактикой выбора коммуникативной или социальной роли, сведения аргументов к абсурду, отступления. Наиболее частотными языковыми средствами реализации манипуляции в произведениях русской литературы являются следующие: просторечная и разговорная лексика, эмоционально-оценочные высказывания, лексические повторы, уточняющие и косвенные вопросы, метафора, эпитет,

антитеза, аффективы, прилагательные превосходной степени, глаголы, частицы, междометия, местоимения, вводные слова; разнообразие синтаксических конструкций: неполные предложения, односоставные предложения, сложные предложения.

В результате анализа речевой коммуникации в дискурсах персонажей классической и современной прозы можно сделать вывод о частотности и разнообразии форм речевой манипуляции в рассматриваемых текстах и о значимости данного явления в лингвистике.

Литература

1. Гоголь, Н. В. Мёртвые души : поэма / Н. В. Гоголь. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2015. – 352 с.

2. Ильф, И. Двенадцать стульев. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. – М. : Мысль, 1982. – 636 с.

3. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени : роман / М. Ю. Лермонтов. – СПб. : Азбука – классика, 2004. – 224 с.

4. Михальчук, Н. А. Речевая манипуляция в романе Вл. Набокова «Отчаяние» : коммуникативно-прагматический аспект / Н. А. Михальчук // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте: сб. науч. статей III Междунар. науч. конф., 14–15 октября 2011 г., МГУ им. А. А. Кулешова. – Могилёв, 2012. – С. 50–53.

МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С. С. Раткевич

*Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка (Минск)
Науч. рук. – И. Н. Мищенчук, канд. филол. наук, доцент*

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена молодёжного сленга, его истории, употреблению, функциям, свойствам, положительным сторонам, этапам развития, характеристике исследователей. В статье рассматриваются наиболее актуальные проблемы современного русского языка.

Ключевые слова: языковые проблемы; сленг; язык и сленг; функции сленга.

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» [2, с. 1].

Язык – знаковая система, изменяющаяся в каждый исторический период, сегодня её состояние вызывает тревогу по нескольким причинам: